

Музыка

как источник энергии

Заметки о Boheme Jazz Festival IV

Внимание нашего корреспондента привлекли два участника фестиваля, который проходил в Москве 21–26 мая 2002 года. Это *Vienna Art Orchestra* и *Jan Garbarek Group*.

У себя на родине в Австрии *Vienna Art Orchestra* ценится как национальное достояние. Никаких шуток или преувеличений — в подтверждение официального признания его именем названо несколько фирменных поездов, уходящих с Венского вокзала, наряду с «Моцартом» и «Штраусом». 2002 год для биг-бэнда юбилейный: ему исполнилось 25 лет. В Европе оркестр признан лучшим, в мире — одним из пяти лучших, и юбилейный тур с автобиографичной программой «Art and Fun», в рамках которого *Vienna Art Orchestra* посетил Россию, должен был стать событием. Так оно и случилось. Это был в меру игровой, в меру изысканный джаз, насыщенный синтез строгой симфонической фактуры, безупречной техники и искрометного юмора. «Art and Fun» — эклектичная программа, стопроцентно оправдывающая свое название; красочное приключение, автором которого выступает пианист, композитор и неординарный аранжировщик Матиас Рюэгг (Mathias Rugg). И важно все: от положения исполнителей на сцене до светового нюанса или видеокadra.

В этом интернациональном коллективе единственным музыкантом из России был валторнист Аркадий Шилклопер. По его словам, в *Vienna Art Orchestra* возможно все, однако от артистов требуются нечеловеческие усилия. Играя с биг-бэндом четыре года, Шилклопер до сих пор не привык к предельной самоотдаче и далеко не всегда с легкостью разбирает партитуру Рюэгга. Сложнейшие аранжировки, самый многочисленный состав в Европе (только в основном — 21 человек), плотный гастрольный график, четко выстроенные, но не теряющие спонтанности джазовые шоу, более тридцати альбомов в дискографии и колоссальный потенциал оркестрантов, каждый из которых — прекрасный импровизатор... Вот что лежит на поверхности и бросается в глаза, когда впервые сталкиваешься с *Vienna Art Orchestra*.

Другой персонаж, благодаря приезду которого многие впервые услышали о фестивале «Богема-джаз», — Ян Гарбарек. Ставший частью истории европейского джаза, этот норвежец совершенно не считает свое сегодняшнее творчество джазом. Однако истинные поклонники неординарной музыки связывают его имя с целым направлением (именно джазовым), в основе которого лежит этнический мотив. В поисках нового звука Гарбарек невольно и неожиданно для себя создал целую школу, и вот уже не одно десятилетие он — живая легенда.

В 1979 г. норвежский саксофонист впервые посетил Россию. С тех пор «изголодавшаяся» публика могла следить за его творчеством исключительно благодаря записям фирмы ECM, не без труда выискивая их. Когда же Гарбарек приехал вновь, то привез с собой еще троих музыкантов с репутацией не менее значительной — Эберхарда Вебера (контрабас), Райнера Брюнингхауза (клавишные, программирование) и Мэрилин Мазур (ударные).

Зал был буквально переполнен; но услышала публика все-таки не совсем джаз, а нечто, смутно напоминающее мягкий арт-рок. Квартет творил по-скандинавски холодно и отрешенно, вызывая у меломанов безмерную благодарность и восхищение. Поэтичные образы этой затейливой музыки близки к североевропейскому эпосу, чему совершенно не мешают азиатские и восточные мотивы, слышные в основном со стороны Мазур, окруженной многочисленными бубенчиками, трубочками, колокольчиками и бочонками. Среди ее предков есть афроамериканцы, а играла она с самим Майлзом Дэвисом. У Гарбарека эта дама — диссонирующее звено, не задающее, а уничтожающее ритм.

В их музыке вообще очень мало ритма и низов — от этого она еще более прохладна. Теплоту и глубину добавляет постаревший Вебер, однако общее впечатление остается неизменным — сдержанно, по-норвежски, по-гарбарековски, если позволите. Никаких открытий — все они уже были в семидесятых; никаких откровений — музыканты просто играют в квар-

тете, оставаясь, по собственному признанию, в состоянии перехода от чего-то к чему-то. Они вместе уже давно (Вебер — с 1974, Брюнингхауз — с 1988) и, кажется, «с полузвляда» понимают друг друга. Но периодически возникает ощущение, что в какой-то момент время для них остановилось, и переход, обязывающий к движению, выглядит статичным. А, возможно, путь этот ведет не вперед, а вглубь.

Классиков оценивать крайне сложно, занятие это неблагодарное и опасное. Поэтому пусть лучше говорит сам Гарбарек.

о современной музыке

«Я никогда не давал никаких мастер-классов и считаю, что из меня

ности, которые дает электроника, а потеряли — возможность играть без нее».

о русской музыке

«В 1979 г. в рамках программы культурного обмена я уже выступал здесь с одним норвежским поэтом. Но с тех пор никаких иных предложений о визите в Россию мне не поступало, поэтому я очень рад, что, наконец, удалось приехать. <...> К сожалению, с 1979 г. у меня не было возможности поработать с русскими музыкантами, да и тогда опыт был эпизодический. Тем не менее, я понял, что говорим мы на одном языке и выросли на одной и той же музыке. Очевидно, что с точки зрения техники и музыкального образования они на очень

о своей музыке

«То, что я сейчас делаю, я не воспринимаю как джаз. Я действительно начал как джазовый музыкант, копируя американских идиолов, но неожиданно для себя обнаружил, что просто повторяю других. Это открытие многое изменило в моей жизни, и с тех пор я стараюсь ориентироваться только на собственные устремления. <...> Всякий стиль в музыке имеет свои ограничения. И в какой-то момент музыкант может отойти от канонов стиля, в котором начал работать, найти индивидуальный, выйти за рамки. Это личный выбор каждого. Что касается меня, мне интересен как раз этот переход из одного в другое. Сейчас я именно в таком состоянии».

На пресс-конференции с *Jan Garbarek Group*

очень плохой преподаватель, так что стараюсь от этого занятия держаться подальше. Вообще же сейчас много хороших школ, где можно получить отличное образование в области ритмической музыки — в центральной и северной Европе, в США, — и оттуда каждый год выходит огромное количество прекрасных молодых музыкантов. Достойных музыкантов гораздо больше, чем мест, где они могут играть. <...> Мне кажется, каждая форма музыкального выражения имеет потенциал развития в нечто замечательное и достойное. Но что сегодня обращает на себя внимание (даже, возможно, пугает), — очень много похожего, много однообразия. <...> Есть разница между техникой и впечатлением. Бывает, что сыграно очень технично, но не трогает совершенно. А бывает, музыкальное впечатление сильнее любых оценок. То, что за последние два десятилетия мы приобрели — возмож-

высоком уровне. Но это не стало для меня откровением, поскольку мы всегда знали, что в России очень развито музыкальное образование».

о литературе и кино

«Очень трудный вопрос... Скажем, один из фрагментов нынешней программы написан в продолжение романа Кнута Гамсуна. <...> Я никогда не был знаком с Андреем Тарковским, но его фильмы произвели на меня колоссальное впечатление. Это, пожалуй, единственные кинематографические образы, застрявшие в моем сознании, и они постоянно со мной. Сложные, комплексные, абстрактные — я не могу сказать, что речь идет об их понимании, скорее — об ощущениях, которые они у меня вызывали тогда и которые сохранились до сих пор. А вообще вдохновение исходит из самых разных источников».

Vienna Art Orchestra

<...> Свою ситуацию я воспринимаю как ситуацию маленького ребенка, слишком увлеченного попавшей ему в руки игрушкой, чтобы смотреть по сторонам и отвлекаться на другое».

P. S. В материале использованы фрагменты пресс-конференции, которую музыканты *Jan Garbarek Group* дали в рамках своего визита в Москву.